

ПРЕСС-ЛОЖА

На днях в музее Мариной Цветаевой была представлена книга "Марина Цветаева: миф и действительность", автор которой — графиня Мария Разумовская — специально приехала на четыре дня из Вены в Москву.

Разумовские — одна из самых громких дворянских фамилий в России. Среди них наиболее известны: тайный муж императрицы Елизаветы граф Алексей Григорьевич, малороссийский гетман Кирилл Григорьевич. А по женской линии Мария Андреевна относится к не менее знаменитому роду Витгенштейнов, потомственных российских послов в Вене. В 1812 году русской армии командовал Петр Витгенштейн. Его сын, Николай Петрович, был женат на красавице — польке по имени Каролина, которая сбе-

жала с композитором Ференцем Листом. Графиня Мария Разумовская является его правнучкой от второго брака.

Мария родилась уже в Вене и прожила там всю жизнь, занимаясь славистикой. Однажды ее руки попали дневнику Марине Цветаевой. В 1983 году Разумовская издала на немецком языке книгу, которая затем была переведена на русский и совсем недавно издана у нас. Готовя книгу, Мария Андреевна завязала переписку с Надеждой Катаевой-Лыковой. Благодаря этой женщине цветаевский дом на Борисоглебской улице в Москве уничтожен не был. Цветаева жила нем с 1914-го по 1922 год. Отсюда она уехала в Берлин, затем — в Прагу, а потом — в Париж. Когда

дом был поставлен на снос, Надежда Ивановна поселилась в нем, несмотря на отсутствие воды, канализации и электричества. Ночуя с бомжами, крысами и тараканами, она сумела отстоять это место, а затем превратить его в музей.

Именно здесь и состоялась презентация книги. Одновременно с ней открылась выставка картин художницы Кати Разумовской, племянницы Марии Андреевны. Она окончила художественную Академию в Мюнхене. Выбрав замуж за немца, Катя автоматически лишилась дворянского титула. Последние три года вместе со своим супругом она живет в Москве.

Игорь СТОМАХИН
(“иностранец”).

соне. В концертах выходил на сцену и говорил о себе в третьем лице приблизительно такой текст: "Господа, внимание! Сейчас с этой сцены будет петь артист Живокини. Голоса большого не имеет, так что какую ноту не возьмет, ту покажет рукой!"

Владимир ЯРОШЕВСКИЙ,
пенсионер

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Гопкинс

Под старость лет мхатовские корифеи при старательном участии "власть предержащих" превратились в небожителей, почему и вытворяли, что хотели. Была у них

очень популярна такая игра: если кто-то из участников говорит другому слово "гопкинс!", тот должен непременно подпрыгнуть, независимо от того, в какой ситуации находится. Не выполнивших постиг了一口 большой денежный штраф. Нечего и говорить, что чаще всего "гопкином" пользовались на спектаклях, в самых драматических местах...

Кончилось это тем, что министр культуры СССР Фурцева вызывала к себе "великих стариков". Потрясая пачкой писем от зрителей молодой части труппы, она произнесла целую речь о заветах Станиславского и Немировича, о роли МХАТа в советском искусстве, об этике советского артиста. Обвшанные всеми мыслимыми званиями, премиями и орденами, стоя слу-

чили ее Грибов и Массальский, Яшин и Белокуров... А потом Ливанов негромко сказал: "Гопкинс!" — и все подпрыгнули.

Голос как волос

В Малом театре был когда-то артист Живокини — большой такой, басовитый, полный серьезного уважения к своей пер-

Мы стояли и пошли...

Перешагнув сегодняшнюю Метку —
Где мы, застывшие на миг,
Позволили иному путнику рассматривать нас близко —
Мы перешли в другое состоянье:
Иные погрузились в пустоту,
Другие к неопределенности поближе встали,
А третий — обозначили вдали вершину.

Но каждый ли средь нас в мгновенье остановки
Стал тем сторонним путником с нейтральным взглядом,
Позволившим рассматривать себя и рассмотреть других,
Чтоб восприимчивость свою расширить —
От самолюбования
И веры в единственно возможное пространство
До наслаждения многообразием иных миров,
Наполненных иными пятнами и линией.

На остановке не суждено стоять с померкшим взглядом,
А предназначено прислушаться к биению сердца своего
И к сердцу стоявшего к тебе поближе.
Вот в чем значенье нашей Метки —
Невидной, незаметной на фоне дней и вех,
Текущих мимо твоего ковчега.

Три состояния, во что мы погрузились,
Явили нам три равноценные дороги.
Пройти по ним — познать творенье изнутри
И оказаться на витках спирали.
В конце пути из трех дорог маячит слова Метка,
Но наш удел — иди вперед, не думая о постаменте.
Лишь ремесло сопровождает нас в пути и точит камень придорожный.
Забота нас одолевает и неспокойны мы во сне:
От камня лишнее отсечь...

Юрий ЕВЛАМПЬЕВ

Ю. ЕВЛАМПЬЕВ. СП-7 (серия), лист 2. 1993, черно-белая фотография. 18 x 24 см.

